

Чэн Цзайе молчал и не двигался, словно застывшая статуя. Цзян Шоуянь, прекрасно зная причину, спросил:

— Что такое?

Чэн Цзайе лишь протянул руку и мягко коснулся его влажных ресниц.

— Цзян Шоуянь, — произнёс он его имя. В голосе слышалась безграничная нежность и скрытое, готовое вот-вот выплеснуться напряжение.

Но Цзян Шоуяню сейчас не нужна была нежность. Он жаждал пронзительной, осязаемой реальности. Его жизнь казалась слишком призрачной. Хотя физически он и находился в этом пространстве, но ощущал себя так, словно парит где-то за пределами настоящего. Он потерялся и запутался, почти не осознавал себя, поэтому крепко цеплялся за Чэн Цзайе, как за спасительную соломинку. Цзян Шоуянь жадно тянулся к его бьющей ключом жизненной энергии, отчаянно пытаясь в обмене теплом обрести хотя бы мимолётное облегчение.

Чэн Цзайе докрасна растёр уголки глаз Цзян Шоуяня, но взгляд того по-прежнему оставался болезненным. Медленно опустив веки, Цзян Шоуянь протянул руку. В ярком свете комнаты те самые следы ещё не никто не вытер. Под пристальным взглядом Чэн Цзайе он собрал пальцем каплю и поднёс её к губам. Но не успел он её слизать, как Чэн Цзайе резко перехватил его руку.

Цзян Шоуянь всегда находил кадык Чэн Цзайе сексуальным. Сейчас этот выступающий хрящ судорожно дёргался прямо у него перед глазами. Казалось, Чэн Цзайе хочет что-то сказать, но, как ни открывал рот, не мог выдать ни звука.

— В чём дело? — Цзян Шоуянь поднял на него глаза, выглядя совершенно невинным в холодном белом свете.

Чэн Цзайе прерывисто вдохнул, на его шее вздулись вены. Он отвернулся в сторону. Пальцы, сжимавшие подколенную ямку Цзян Шоуяня, бессознательно стиснулись так сильно, что тот протяжно и приглушённо застонал. И в этот момент натянутая до предела струна в голове Чэн Цзайе со звоном лопнула. Наклонившись, он свирепо впился в губы Цзян Шоуяня, под его пристальным взглядом проникая всё глубже и глубже.

Прошло слишком много времени. Так много, что это чувство почти забылось, поэтому стоило дать лишь искру, как пламя вспыхнуло с неукротимой силой. По щекам Цзян Шоуяня покатались слёзы, но не от грусти. Он вцепился пальцами в Чэн Цзайе, и его обжигающее дыхание опаляло чужое лицо. Чэн Цзайе целовал его щёки, собирая слёзы губами, спрашивая, почему он плачет. Цзян Шоуянь не мог ответить. Он задышался от удовольствия, но ему всё было мало. С влажными от слёз глазами он приподнялся, Чэн Цзайе, повинуясь его движению, перевернулся на спину и сел, откинувшись на изголовье и согнув ноги. Свет отражался в глазах Цзян Шоуяня. Дрожа, он скользнул вниз и медленно опустился до самого конца.

Пытаясь выровнять дыхание, Чэн Цзайе поднял руку и погладил его вздрагивающие ресницы. Цзян Шоуянь опустил голову, прислушиваясь к ощущениям. Он был так истощён, что при каждом движении на животе проступал едва заметный бугорок. Цзян Шоуянь прикрыл его рукой, внезапно почувствовав, что теряет силы. Чэн Цзайе подхватил его, ласково потёршись щекой о его ладонь. Его золотисто-карие глаза смотрели на с такой нежностью, что Цзян Шоуянь готов был утонуть в этом взгляде.

Внезапно он перехватил руку Чэн Цзайе и заставил его сжать пальцы на своей шее. Удушье очистило разум Цзян Шоуяня. В этой безвоздушной иллюзии вечности он получил от Чэн Цзайе мощное, властное проявление любви. Весь дрожа, Цзян Шоуянь приник к его плечу, а когда воздух вновь ворвался в лёгкие, сердце забилося, как сумасшедшее. Кажется, только сейчас Цзян Шоуянь по-настоящему осознал, что Чэн Цзайе рядом с ним. Что это не сон и не игра воображения.

С самого детства он не видел ничего хорошего. Гнетущая обстановка заставила его исказить себя, загнать в жёсткие рамки. Он уже и не помнил, с какого момента каждый прожитый день

стал приносить лишь страдания. Бабушка была для него опорой, державшей его на плаву. В моменты крайнего отчаяния Цзян Шоуянь, утирая слёзы в одиночестве, думал о том, что нельзя заставлять седую старушку хоронить молодого внука.

Он пробыл под давлением слишком долго. Как дерево, искривлённое внешней силой, за почти тридцать лет жизни он окончательно сформировался. Окружающие считали его мягким, внимательным и способным, но на самом деле он был пессимистом, ненавидевшим мир. Порой, просто идя по улице, он боролся с желанием броситься под колёса.

Он спрятался в панцирь, живя одним днём и избегая глубоких связей с миром, ни к чему не привязываясь. Он привык к такому образу жизни, считая его безопасным, хотя в глубине души понимал, что это неправильно.

Для Цзян Шоуяня прошлых двадцати восьми лет даже попытка что-то изменить не стоила усилий. Но сегодня ему исполнилось двадцать девять. Ровно в полночь он получил розу, вылепленную из снега, и услышал от Чэн Цзайе поздравление с днём рождения. И теперь ему казалось, что у него появилась капля смелости и надежды на перемены.

Вслушиваясь в неровное дыхание и стук сердца Чэн Цзайе, вторящие его собственным, Цзян Шоуянь вдруг попросил:

— Сделай мне больно.

Обнимая его, Чэн Цзайе обдавал его щеку горячим дыханием:

— Зачем мне делать тебе больно?

Цзян Шоуянь и сам не знал. Возможно, боль помогла бы ему ещё глубже запечатлеть этот момент. Чэн Цзайе протянул руку и коснулся его татуировки. Цзян Шоуянь, ещё не до конца отошедший, ощутимо вздрогнул.

— Это тоже было ради боли?

Цзян Шоуянь ответил коротким: «Угу». Тогда Чэн Цзайе опустил голову: он обнимал его, целовал, доводя до того, что слёзы Цзян Шоуяня стали слезами наслаждения. Цзян Шоуянь с расфокусированным взглядом издал протяжный стон, Чэн Цзайе, сжав его затылок, сделал несколько глубоких мощных толчков, а затем резко выскользнул, изливаясь на спину Цзян Шоуяня. Тот вздрогнул от обжигающего жара. Чэн Цзайе погладил его по шее, на которой всё ещё виднелись два красноватых следа от пальцев.

— Цзян Шоуянь, — сказал он, глядя в его ещё не до конца прояснившиеся глаза. — Я люблю тебя.

Цзян Шоуянь смотрел на него взглядом, полным то ли понимания, то ли смятения. Его ресницы по-прежнему были влажными, тая в себе невыразимую томность. Чэн Цзайе прикусил его плечо. Цзян Шоуянь глухо охнул, но не отстранился. Тогда Чэн Цзайе поцеловал его, заставляя находить наслаждение даже в этой лёгкой боли.

Под утро пошёл снег. Батареи в спальне грели слишком сильно, и посреди ночи Цзян Шоуянь проснулся от жары. Какое-то время он смотрел на серый потолок. Шторы были плотно задёрнуты, на улице ещё не рассвело, а тяжёлое дыхание Чэн Цзайе мерно согревало его шею.

У Чэн Цзайе от природы была повышенная температура тела, а Цзян Шоуянь, накрытый тонким одеялом и зажатый в его объятиях, совсем расплавился. Он потянулся было оттолкнуть Чэн Цзайе, но стоило его пальцам обхватить чужую руку, как тот резко проснулся.

Цзян Шоуянь заметил промелькнувший в его глазах страх, и сердце внезапно кольнуло. Оказывается, не только он один страдал от отсутствия чувства безопасности. Чэн Цзайе вовсе не был таким невозмутимым, каким казался.

Цзян Шоуянь невольно вспомнил тот день, когда оставил Чэн Цзайе одного в деревянном доме. Был ли он так же напуган, когда проснулся утром и не обнаружил его рядом? А что почувствовал, когда увидел кольцо и предсмертную записку на тумбочке? Цзян Шоуянь боялся даже думать об этом. Грудь сдавило от щемящей боли, он почувствовал себя слишком жестоким, но тогда у него не было другого выхода.

Убедившись, что Цзян Шоуянь всё ещё здесь, Чэн Цзайе снова закрыл глаза, притянул его к себе, уткнулся лицом в шею и сонно спросил:

— Что случилось?

У Цзян Шоуяня щипало в носу, но он, не подавая вида, перевернулся на другой бок, вытащил руку из-под одеяла и, обняв Чэн Цзайе в ответ, сказал:

— Ничего, просто жарковато.

— Уменьшить температуру?

— Не надо, — Цзян Шоуянь поднял руку, взъерошил мягкие волосы Чэн Цзайе и тихо произнёс:

— Спи.

<http://bllate.org/book/14908/1612788>